

Мудрец (Дорошевич)

Беотиец Акселос, эллин родом и варвар душой, был по делам в Афинах.

Осмотрел Акрополь.

— Акрополь как Акрополь! Стоит высоко.

Был в театре Диониса.

— Театр хороший. Отделан белым мрамором.

Слушал лучших ораторов на агора:

— Говорят много.

И захотел побеседовать с Сократом.

— Быть в Афинах и не поговорить с Сократом! На что же тогда человеку дан язык?

Прохожий афинянин указал ему под портиком Академии задумчиво гулявшего небольшого человека с невзрачным лицом:

— Это Сократ.

«Такой великий муж мог бы быть повыше ростом и повиднее. Впрочем, мудрецы об этом не заботятся!» — подумал беотиец.

Он пошёл навстречу Сократу и глубоко ему поклонился.

Сократ учтиво ответил на поклон и прошёл мимо.

Беотиец опять забежал вперёд и поклонился.

Сократ улыбнулся, поклонился и продолжал прогулку.

Тогда беотиец снова забежал вперёд и сказал:

— Привет тебе, мудрейший из смертных!

Сократ остановился, засмеялся глазами и сказал:

— Видел ли ты всех людей на свете?

— Н-нет!

— Раз ты их не видел, ты не мог и говорить со всеми людьми на свете. Не так ли?

— Совершенно верно.

— Почему же, в таком случае, ты знаешь, что я умнее всех людей на свете? Не осторожней ли было бы, с твоей стороны, сказать: «Мне кажется, что ты мудрейший из людей?»

— Да, пожалуй, так было бы благоразумнее.

— Но раз ты не знаешь, насколько умны другие люди на свете, такое мнение твоё ни на чём не основано. Не так ли?

— Выходит, что так.

— Уверяют в чём-нибудь, не имея на то никаких оснований, или плуты, или глупцы. Не правда ли?

— Д-да!

— Хотел ли ты обмануть меня, говоря, что я мудрейший из людей?

— Нет.

— Значит, ты не плут. Кто же ты в таком случае? Реши сам!

«Однако!» — подумал беотиец и сказал:

— Что ж мне было делать, когда ты ничего не говоришь! На что роза, если она не пахнет, и мудрец, если он не говорит?

Сократ улыбнулся.

— Прекрасно. Скажи: свойственно ли коню ржать?

— Я думаю!

— А быку мычать?

— И ещё как!

— Барану блеять?

— Ну, ещё бы!

— Что же, конь непрерывно ржёт?

— Зачем же!

- И бык не мычит непрерывно?
- Конечно, нет!
- Но, может быть, непрерывно блеет хоть баран?
- Тоже нет!
- Видал ли ты, чтоб конь заржал при виде коровы?
- Не бывает.
- Или бык замычал при виде овцы, или баран заблеял при виде лошади?
- Нет, нет и нет! — весело отвечал беотиец.
- Не ржёт ли конь при виде лошади?
- Разумеется.
- А бык при виде коровы?
- Это всякому известно.
- А баран не начинает ли блеять тогда, когда увидит овцу?
- Верно.
- Одним словом, мы можем сказать, что конь ржёт, бык мычит и баран блеет только тогда, когда видит себе подобных?
- Почему ж не сказать? Можно сказать!
- И из того, что правилу этому одинаково подчиняются и конь, и бык, и баран, не должны ли мы заключить, что это закон природы?
- По-моему, должны.
- Скажи, мудрец станет ли идти против законов природы?
- Не думаю!
- И отлично делаешь. Теперь ответь мне на один вопрос.
- Хоть на тысячу тысяч!
- Не думаешь ли ты, что мудрецу так же свойственно говорить мудрые вещи, как коню ржать, быку мычать и барану блеять?
- Я так и думаю.

— Прекрасно! Если конь ржёт, бык мычит, а баран блеет только при встрече с себе подобными, то, значит, и мудрец должен говорить только с подобными себе. Какое же основание, друг, я имел заговорить с тобою?

И посмотрев на него с любовью, Сократ пошёл дальше.

— Пусть меня разорвёт Цербер! — воскликнул Акселос. — Чтобы человека два раза подряд заставили самого себя назвать дураком! Это может случиться только с беотийцем, да и то в Афинах!

Через мгновение он, однако, подумал:

«А мудрость, оказывается, вовсе не такая трудная вещь!»

И чтоб развлечься после неприятного разговора, пошёл к гетерам.

Гетера Хризис лежала на окне своего дома, с накрашенным лицом, — чего требовало её занятие, — и одетая в роскошные одежды, чего её занятие не требовало вовсе.

— Иди смелее, красавец! — крикнула она Акселосу, когда тот остановился у её порога.

Беотиец хитро улыбнулся.

— За что тебе платят деньги? — спросил он.

Гетера из окна оглядела его с удивлением с ног до головы.

— За то, что я женщина!

— Но не всем же женщинам платят деньги. Ты должна отвечать: за то, что я красива.

— Ну, за то, что я красива!

— Итак, в любви платят за красоту?

— Платят и за красоту...

— Стой, стой! Не отвлекайся! Иначе ничего не выйдет. Ты согласна: за красоту?

— Пусть будет по-твоему.

— Ты зовёшь меня для любви?

— За чем же другим будет звать к себе гетера?

— Отвечай: да или нет?

— Да, да, да!

— И так как ты сама назвала меня красавцем, а в любви платят за красоту, то, значит, ты зовёшь меня за тем, чтобы платить мне деньги!

Гетера расхохоталась так, что чуть не упала из окна.

Беотиец глядел на неё, счастливо улыбаясь.

— Ну, вот, видишь теперь сама, что ты или мошенница, или дура!

— Что?

Гетера вскочила.

— В Афинах оскорбляют женщину? И какую женщину?! Которая никому не доставила ничего, кроме удовольствия?! Слуги! Возьмите этого чужестранца, этого варвара, и киньте его куда-нибудь подальше от моего дома.

Два раба, нубийцы, с мускулами, которые, как толстые змеи, перевилились у них на руках, схватили беотийца, отнесли на ближайший перекрёсток и кинули, как юноши кидают копье.

— Однако философия до добра не доводит! — подумал Акселос, поднимаясь и потирая локти, колени и лицо.

И грустный пошёл домой.

На следующий день он услышал на площади, что Сократ арестован, ночью его судили и присудили к смерти.

— Всё за его философию!

— Однако я ещё дёшево отделался! — подумал беотиец, вспоминая о вчерашнем происшествии с гетерой.

И поспешил уехать в Фивы из города, где делаются такие странные вещи.

Друзья-фивяне собрались к нему в дом послушать чудес про Афины.

Он рассказывал им про величие Акрополя, мудрость ораторов и любезность афинских гетер.

— Но успел ли ты увидеть Сократа?

Акселос сделал печальное лицо.

— Друзья мои! Сократ беседовал со мною с последним перед тем, как его взяли, и прежде, чем умереть, пожелал научить меня своей мудрости!

Все глядели на него с благоговением.

— Ученик Сократа!

— Не знаю, как для кого, — но должен вам сказать, что мне это было совсем нетрудно. Я сразу понял всё.

— Сократ знал, кого избрать!

— Акселос! — стали его просить со всех сторон с горящими глазами. — Передай и нам мудрость Сократа! Поговори, как Сократ!

Акселос поднял палец:

— Т-с! Друзья мои! Вы знаете, что случилось с Сократом? Вы хотели бы и для меня того же?

И все в ужасе переглянулись:

— Он, воистину, мудр!

С тех пор Акселос говорил только самые обыкновенные вещи, но все смотрели на него с благоговением.

— Если бы он захотел заговорить, как Сократ! Но Эллада не для Сократов!

Слава о молчащем мудреце скоро распространилась по Фивам, по всей Беотии и по всей Греции.

Отовсюду приезжали люди взглянуть на великого молчащего фиванского мудреца.

Он молчал, глядя с улыбкой на посетителей, и самым настойчивым, молившим его о слове, хоть об одном только слове мудрости, говорил только:

— Вспомните участь Сократа!

Создалось обыкновение.

Всякий, кто где-нибудь слышал что-нибудь умное, думал:

«Это сказал, наверное, Акселос».

И вскоре Греция была полна изречениями молчащего мудреца.

Их собирали и переписывали и задорого продавали:

— Изречения фиванского мудреца.

Фивы им гордились.

И когда, спокойно достигнув глубокой старости, он умер, на его мавзолее написали:

великий мудрец,

По этой эпитафии он попал в Элизий.

Сам Минос, почтительно поднявшись, указал дорогу туда его тени.

Там, в аллее из мирт, освещённой бледным, словно лунным, светом, тень беотийца Акселоса увидела среди бродивших по две, по три тени одинокую тень маленького, невзрачного человека.

— Привет тому, кто был Сократом! — сказал Акселос.

— Привет и тебе, судя по месту, где ты находишься, тень мудреца! — ответил Сократ. — Голос твой напоминает мне землю, и мне кажется, что я встречался с тобою в Афинах.

— Ну, как же! Ты встретился со мной под портиком Академии. В тот самый день, когда тебя взяли по приказанию архонтов. Помнишь?

Тень Сократа слабо улыбнулась, как улыбаются тени.

— Я помню и то, и другое. Но как же попала ты сюда, заблудившаяся тень?

— По надгробной эпитафии мудреца.

— Как называется тот счастливый город, который считал тебя мудрецом?

— Фивы.

— Но что ж ты говорил, что тебя считали мудрецом?

— Я молчал.

— Всю жизнь?

— Всю жизнь.

— Тогда понятно всё! — сказала тень Сократа. — И дурак мудр, когда он молчит. Ты мудрый дурак!

И тень Акселоса гуляла по миртовым полям Элизия с полным правом.

